

В. Г. Белинский

<О детских книгах>

Виссарион Белинский

О детских книгах

«Public Domain»

1840

Белинский В. Г.

О детских книгах / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1840

ISBN 978-5-457-06041-8

Начало работы над статьей определяется письмом Белинского к В.П. Боткину от 3–10 февраля 1840 года. В части, написанной 9 февраля, он сообщал: «А дня через два надо приниматься за статью о детских книжках, где я буду говорить о любви, о благодати, о блаженстве жизни, как полноте ее ощущения, словом, обо всем, чего и тени и призрака нет теперь в пустой душе моей». В этой статье наиболее подробно обоснованы педагогические воззрения критика.

ISBN 978-5-457-06041-8

© Белинский В. Г., 1840

© Public Domain, 1840

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	13
--	----

Виссарион Григорьевич Белинский

<О детских книгах>

ПОДАРОК НА НОВЫЙ ГОД. Две сказки Гофмана, для больших и маленьких детей. С.-Петербург. 1840.

ДЕТСКИЕ СКАЗКИ ДЕДУШКИ ИРИНЕЯ. Две части. С.-Петербург. 1840¹.

О воспитании детей вообще. — Как должны писаться детские книги, по их отношению к воспитанию. — О двух детских сказках Гофмана. — О детских книгах на русском языке и «Детских сказках дедушки Ириней»^[1].

Самые, по-видимому, простые и обыкновенные предметы часто бывают, в своей сущности, самыми важными и великими. Все говорят, например, о важном влиянии воспитания на судьбу человека, на его отношения к государству, к семейству, к ближним и к самому себе; но многие ли понимают то, что говорят? Слово еще не есть дело; всякая истина, как бы ни была она несомненна, но если не осуществляется в делах и поступках произносящих ее — она есть только слово, пустой звук, — та же ложь. Посмотрите внимательнее на отношения родителей к детям, детей к родителям, словом, посмотрите внимательнее на воспитание — и у вас сердце обольется кровью. Ребенок ест что ни попало и сколько хочет: что нужды! говорят нежные родители: ведь он еще дитя! Ребенок мучит собаку или колотит дворового мальчишку: что нужды! восклицают заботливые родители: ведь он еще дитя! Дети ссорятся, кричат между собою, и если их крик, брань и слезы не мешают папеньке и маменьке соснуть после обеда или поговорить с гостями, — что нужды — ведь они дети, пусть себе ссорятся и кричат: вырастут велики, не будут ссориться и кричать! Перебранившись, а иногда и передравшись друг с другом, дети прибегают к отцу и матери с жалобою друг на друга — и! поми-луйте! стоит ли разбирать детские ссоры! Если вы строги, дайте всем по щелчку или пере-секите всех розгами, *чтоб никому не было завидно*; если вы добры к детям или воспитываете их *на благородную ногу*, — дайте им игрушек или сластей, да, перецеловав их, вышлите от себя, чтобы они опять пошли браниться и драться. Ребенок не учится, не хочет и слышать, чтоб взять в руки книгу: что за нужда, ведь он еще дитя — подрастет, будет поумнее, так станет и учиться! Ребенок хватается за всякую книгу, какая ему ни попадется, хотя бы то была анатомия с картинками или Аретин с гравюрами:^[2] что за нужда — ведь он еще дитя! благо, что охота к книгам есть — пусть лучше навикает читать, чем резвиться! Учитель говорит отцу, что грамматика, которую он купил для сына, не годится, что она или уж устарела, или бестолкова, бессмысленна, что ее не понимает сам автор, не знающий ни духа, ни характера языка: это еще что за новости! восклицает опытный и благоразумный родитель: ведь он дитя — для него всякая книга годится, а за эту я заплатил деньгами, стало быть, хороша!.. А между тем заговорите с «дражайшими родителями» о детях и воспитании: сколько общих фраз, сколько ходячих истин наговорят или *нарезонерствуют* они вам! «Ах, дети! да! как тяжело иметь детей! сколько забот! надо вырастить да и воспитать! Мы ничего не щадим для воспитания своих детей! Из последних сил бьемся! Я отдал своих в училище, покупаю книги — тьма расходов! А мы для своих приискали *мадам* (или *мамзель* — провинциальные названия *гувернанты*!), чтоб они и по-французски знали и на фортопьянах играли!» В добрый час, дражайшие родители!..

Но это еще только одна сторона воспитания, или того, что так ложно называют воспитанием. Это еще только воспитание, как обыкновенно говорится, на волю Божию, а в самом деле на волю случая, — воспитание природное, воспитание не в переносном, а в этимологическом значении этого слова, то есть *воскормливание*, — воспитание простонародное,

мещанское. Есть еще воспитание попечительное, деликатное, строгое, благородное. В нем на все обращено внимание, ни одна сторона не забыта. При этом воспитании дитя ест и вовремя и в меру, перед обедом непременно ходит гулять с гувернером или гувернантой, умеренно резвится, занимается гимнастическими упражнениями на красивых вешалках, столбах, перекладах, по часам учится, в определенную пору встает и ложится. Физическое воспитание в гармонии с нравственным: развитию здоровья и крепости тела соответствует развитие умственных способностей и приобретение познаний. А форма – о, это самое изящество! При опрятности царствует простота и неизысканность, соединенные с благородством, достоинством, хорошим вкусом и хорошим тоном. И это отражается во всем: и в одежде и в манерах. Одно то чего стоит, что дитя умеет уже скрывать свои чувства, не хвататься жадно за то, чего жадно желает, не обнаруживать удивления и радости к тому, что возбуждает в нем удивление и радость, словом – приличию и тону жертвовать всеми своими чувствами, даже самыми святыми, самыми человеческими!.. Короче: даже китайские мандарины, эти высокие идеалы и образцы природы, искаженной и умершей от искусственности, даже китайские мандарины ничто пред этими милыми, благовоспитанными детьми... И если жизнь человеческая есть театральная сцена или салон, и если *казаться* есть цель человеческой жизни, то в этом образе воспитания мы нашли норму воспитания^[3]. В самом деле, что может быть прекраснее и очаровательнее, например, светской девушки? – Она скорее согласится тысячу раз умереть, нежели один раз в жизни, в глазах света, показаться смешною, то есть прийти в восторг от создания искусства, от созерцания явлений природы или от рассказа о высоком подвиге и всего, от чего плачут и чем восхищаются люди дурного тона^[4]. Она столько же развязна и свободна, сколько и грациозна; ничему не удивляясь, она ничего не испугается и ни от чего не придет в смущение. В ней всегда такое спокойствие, такая ровнота духа, все так соразмерно и прилично... А сколько в ней талантов, которых она не выставляет на вид, как какая-нибудь провинциалка, но за которые она часто слышит себе «*charmant!*».² Ко всему этому, какая у ней чистая душа, какое нравственное сердце: она уже невеста, – а кроме Бульи и Беркена еще ничего не читала, и произнесите при ней имя Шекспира, она с милою наивною спросит вас: «*Mais qu'est ce que c'est?*»³ – а когда вы начнете говорить о Шекспире, она с такою милою рассеянностью, с таким достоинством и так неожиданно для вас повернет разговор на погоду или на последний бал. Виктора Гюго и Поль де Кока она будет читать уже после замужства, а пока довольно с нее Бульи и Беркена. Оно и хорошо: Шиллер, Гете, Байрон, Гофман, Шекспир, Вальтер Скотт, Пушкин – опасны для юного девственного сердца: чего доброго, они взволнуют его какими-то странными желаниями, неясными мечтаниями, произведут в девушке экстаз, экзальтацию, дадут ей какую-то внутреннюю поэтическую жизнь, – и вот – долго ли до греха! – девушка встречает на земле какую-то родную душу, без копейки за душою —

И жизнь могучая дает
И пышный цвет, и сладкий плод^[5], —

как сказал Пушкин... Мечтать и любить – предаться человеческой страсти – да что же скажет свет?... Нет, не такова благовоспитанная девушка высшего тона: она может выдвигаться из толпы, но красотою, если бог наградил ею, нарядом, если ее *papa*⁴ богаче других, но не душою, не сердцем и не другими мещанскими странностями. Она выйдет замуж; – даже если и другие не похлопочут об этом, сама все устроит, но это замужство будет бле-

² «прелестно!» (франц.). – Ред.

³ «Но что это такое?» (франц.). – Ред.

⁴ папаша (франц.). – Ред.

стящее, способное возбуждать зависть, а не толки. Вот что делает истинное воспитание из девушек! А юноши? – О, об них я боюсь и говорить: все они, и умные и глупые, и ученые и невежды, – все они с таким философским равнодушием смотрят на жизнь, в которой для них нет ничего ни таинственного, ни удивительного, ни непостижного; все они с такою «львиного» наглостию наводят на вас свой лорнет... прекрасные молодые люди!.. А как свободно, с какою небрежностью говорят они по-французски – словно на родном языке, и как мило не умеют связать двух русских фраз, написать русской строки без орфографических ошибок – педантизма в них нет ни тени!..

Мы представили две крайности одной и той же стороны; но есть еще середина, которая, как все почти середины, часто бывает хуже крайностей. Мы говорим о воспитании того класса общества, которое на низшие смотрит с благородным презрением и чувством собственного достоинства, а на высшие с благоговением. Оно из всех сил хлопочет быть их верною копию; но назло себе, остается каким-то средним пропорциональным членом, с собственной характеристикой, которая состоит в отсутствии всякого характера, всякой оригинальности и которую всего вернее можно выразить *мещанством во дворянстве*.^[6] Неприужденность и милая наглость переходит у него в жеманство и кривлянье. Хороший тон в обезьянничество. Смешно и жалко смотреть,

Как негодяй официант
Ломает барина в передней!

Но это в сторону: дело в том, что в этом кругу общества воспитание состоит в том, чтобы убить в детях всякую жизнь и живость, сделать из них попугаев и милых кукол, о которых бы все говорили: ах, как хорошо они воспитываются!..

Воспитание! Оно везде, куда ни посмотрите, и его нет нигде, куда ни посмотрите. Конечно, вы его можете увидеть даже во всех слоях общества, от самого высшего до самого низшего, но как редкость, как исключение из общего правила.⁵ Отчего же это? Да оттого, что на свете бездна родителей, множество *paras et mamans*⁶, но мало отцов и матерей. «Вот прекрасно! – восклицаете вы. – Какая же разница между родителями и отцом и матерью?». – Как какая? – взгляните летом на мух: какая бездна родителей, но где же отцы и матери? Грибоедов давно уже сказал:

Чтоб иметь детей,
Кому ума не доставало!^[7]

Право рождения – священное право на священное имя отца и матери, – против этого никто и не спорит; но не этим еще все оканчивается: тут человек еще не выше животного; есть высшее право – родительской любви. «Да какой же отец или какая мать не любит своих детей?» – говорите вы. Так, но позвольте вас спросить, что вы называете любовью? как вы понимаете любовь? – Ведь и овца любит своего ягненка: она кормит его своим молоком и облизывает языком; но как скоро он меняет ее молоко на злак полей – их родственные отношения оканчиваются. Ведь и г-жа Простакова любила своего Митрофанушку: она нещадно била по щекам старую Еремсевну и за то, что дитя много кушало, и за то, что дитя мало кушало; она любила его так, что если бы он вздумал ее бить по щекам, она стала бы горько плакать, что милое, ненаглядное детище больно обколотит об нее свои ручки^[8]. Итак, разве чувство овцы, которая кормит своим молоком ягненка, чувство г-жи Простако-

⁵ Здесь разумеется только воспитание *частное* или *домашнее*.

⁶ папаш и мамаш (*франц.*). – Ред.

вой, которая, бывши и овцою и коровою, готова еще сделаться и лошадкой, чтобы возить в колясочке свое двадцатилетнее дитя, – разве все это не любовь? – Да, любовь, но какая? Любовь чувственная, животная, которая в овце, как в животном, отличающемся и животною фигурою, имеет свою истинную, разумную, прекрасную и восхищающую сторону, но которая в г-же Простаковой, как в животном, отличающемся человеческою фигурою, вместо овечьей, – бессмысленна, безобразна и отвратительна. Далее: ведь и Павел Афанасьевич Фамусов любил свою дочь, Софью Павловну: посмотрите, как он хлопочет, чтобы повыгоднее сбыть ее с рук, подороже продать...^[9] Продать? – какое ужасное слово!.. Отец продает свою дочь, торгует ею, конечно не по мелочи, но один раз навсегда, и не больше, как для одного человека, который будет называться ее мужем!.. Но ведь это он делает не для себя, а для ее же счастья? – скажут многие. Прекрасно! Но после этого и разбойник, который для приданого дочери зарежет перед ее свадьбою нескольких человек, будет прав, потому что сделает это из любви к дочери? После этого и иная матушка, которая, не желая видеть в нищете свою нежно любимую дочь, научит или принудит ее сделать выгодный промысел из своей красоты, – тоже будет права, потому что поступит так из любви к дочери?.. И разве этого не бывает в самом деле? Разве старый подьячий, закореневший в лихоимстве и казнокрадстве, не поставлял первым и священным долгом своего родительского звания передать свое подлое ремесло нежно любимому сынку? – Мы опять соглашаемся, что источник всего этого любовь, но *какая* – вот вопрос! Откуда она истекает, куда она стремится, к кому обращается? Зачем зверь рвет и губит подобных себе, а в голоде пожирает собственных детей? – Затем, что он любит себя, а любовь к себе есть условие всякой индивидуальности, которая, в свою очередь, есть условие всякого бытия, основа и закон жизни. Зачем собака грызется с другою из-за брошенной кости? – Опять затем, что любит себя. И нас не оскорбляет это в животных; по крайней мере мы не виним их за это и не считаем злодеями и преступниками, потому что они живут и действуют под невольным, рабским влиянием животного инстинкта и, кроме сохранения и возрождения своей индивидуальности, не имеют никаких обязанностей. И человек, подобно животному, замкнут в своей индивидуальности и бессознательно следует данному ему природою инстинкту самосохранения и стремлению к улучшению своего положения; но неужели этим все и должно в нем оканчиваться? – Нет, разница человека с животным именно в том и состоит, что он только начинается там, где животные уже оканчиваются. Кроме обязанностей к себе, он имеет еще обязанности к ближним; кроме инстинкта, который есть у животных, он имеет еще чувство, рассудок и разум, которых нет у животных; будучи существом и растительным и животным, будучи плотским организмом, он есть еще и дух – искра и облик духа божия. Следовательно, и его любовь должна быть высшею ступенью той любви, которую мы видим во всей природе, – от сродства стихий, – от их безмолвного организации в минерал, заключенный в недрах земли, от прозябания дольней лозы, возникающей из зерна, – до животного, которое добровольно лишается жизни, с яростию защищая своих детей. Человек есть мир в малом виде: в его организме все стихии природы, первосущные ее силы, вся минеральная природа – металлы и земли; в жизни его организма все процессы природы – и минеральное сращение извне, и прозябаемая растительность, и животное развитие изнутри. Он является на свет животным, которое кричит, спит, ест и инстинктивно хватается за грудь и инстинктивно сердится, когда его от нее отнимают. Но уже с того мгновения, как язык его от безразличных междометий начинает постепенно переходить к членораздельным звукам и лепетать первые слова, – в нем уже оканчивается животное и начинается человек, вся жизнь которого, до поры полного мужества, есть не что иное, как непрерывное формирование, делание, становление (*das Werden*) полным человеком, для полного наслаждения и обладания силами своего духа, как средствами к разумному счастью. Еще младенец, припав к источнику любви – к груди своей матери, он останавливает на ней не бессмысленный взгляд молодого животного, но горящий светом

разума, хотя и бессознательного; он улыбается своей матери, – и в его улыбке светится луч божественной мысли. Во всех проявлениях его любви просвечивает не простое, инстинктивное, но уже не чуждое смысла и разумности чувство: еще ноги его слабы, он не может сделать ими шага для вступления в жизнь, но уже любовь его выше любви животной. Так неужели, после этого, любовь родителей, существ вполне развившихся, должна оставаться при своей естественности и животности, неспособных отделиться от самих себя и перейти за околдованную черту замкнутой в себе индивидуальности? Нет, всякая человеческая любовь должна быть чувством, просветленным разумною мыслию, чувством одухотворенным. Но что же такое любовь? – Это жизнь, это дух, свет луча: без нее все – смерть, при самой жизни, все – материя, при самом органическом развитии, все – мрак, при самом зрении. Любовь есть высшая и единая действительность, вне которой все – призраки, обманывающие зрение, формы без содержания, пустота в кажущихся границах. Как огонь есть вместе и свет и теплота – так и любовь есть осуществившийся, явленный разум, осуществившаяся, явленная истина. Ею все держится, и весь мир – ее явление. В природе она разлита, как электричество: в духе является разумною мыслию, в самой себе носящую силу своего проявления в благом действии. И потому человек, полный ею, сильнее Самсона: с мучениками первых времен христианской церкви бестрепетно шел к диким зверям и, объятый пожирающим пламенем, пел гимны богу живому и бессмертному; он из рыбака становился ловцом человеков. Любовь столь сильна, что творит непостижимое, торжествует над вечно неизменными условиями пространства и времени, над бессилием плоти, младенцу дает львиную силу. Сам бог есть любовь и источник любви, из которого все исходит и в который все возвращается. «Возлюбленные! станем любить друг друга, ибо любовь от бога, и всякий, кто любит, рожден от бога и знает бога. Кто не любит, тот не познал бога; потому что *бог есть любовь*. – Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в боге, и бог в нем», – говорит св. апостол Иоанн (перв. посл., гл. IV, ст. 7, 8 и 16). И потому всякая власть и всякая сила только в любви. И потому слово, проникнутое любовью, горит огнем неотразимого убеждения и согревает теплотою умиления сердце, услышавшее его, и дает ему мир и счастье; но слово, лишенное любви, и святые истины делает холодным и мертвым нравоучением и потому бессильно над умом и сердцем.

Истина выше человека как личности: чтоб быть достойным имени человека, он должен сделаться сосудом истины. Но истина не дается человеку вдруг, как его законное обладание: он должен достигать ее трудом, борьбою, лишениями и страданием, – и вся жизнь его должна быть стремлением к истине. Личность человеческая есть частность и ограниченность: только истина может сделать ее общим и бесконечным. Поэтому первое и основное условие достижения истины есть для человека отлучение от самого себя в пользу истины. Отсюда происходят добровольные лишения, борьба с желаниями и страстями, неумолимая строгость к своему самолюбию, готовность к самообвинению пред истиною, самоотвержение и самопожертвование: кто не знал и не испытал в своей жизни ничего этого, – тот не жил в истине, не жил в любви.

Теперь взглянем с этой точки на любовь родительскую.

Отец и мать любят свое дитя, потому что оно их рождение. Родство крови есть первая и в то же время священная основа любви, ее исходный пункт, от которого движется ее развитие. Восставать против этого могут только или отвлеченные умы, рассудочные люди, неспособные проникнуть ни в какую живую, явленную истину, или сердца холодные, сухие, мертвые, если не порочные и не развратные. Но, повторяем, естественная любовь, основывающаяся на одном родстве крови, еще далеко не составляет того, чем должна быть человеческая любовь. Из родства крови и плоти должно развиться родство духа, которое одно прочно, крепко, одно истинно и действительно, одно достойно высокой и благородной человеческой природы. Посмотрите: сколько на свете дурных детей, которые теряют к родителям всякую

любовь, но оказывают к ним только внешнее, формальное уважение, как скоро избавляются, летами и обеспечением своего состояния, от их власти и влияния, и к тому же не ждут себе никакого наследства после их смерти. Сколько бывает в свете ужасных примеров детей, не оказывающих родителям даже и внешнего уважения, требуемого общественными приличиями, — даже детей, оскорбляющих своих родителей, если те не решаются прибегнуть к гражданскому закону... Страшное, возмущающее душу зрелище! Бедные родители, несчастные дети! Да, *несчастные*, — и, жалея о первых, не спешите проклинать последних, но подумайте о том — природа ли создает извергов или воспитание и жизнь делают их такими? Мы не отвергаем, чтобы природа не производила людей, наклонных к пороку, но мы вместе с тем крепко убеждены, что такие явления возможны как исключения из общего правила и что нет столь дурного человека, которого бы хорошее воспитание не сделало лучшим. Горе дурным детям! почему бы они ни сделались такими — от дурного ли воспитания, по вине родителей или от случайных обстоятельств, — но они несчастны, потому что не знают счастья сыновней любви и не могут иметь надежду вкусить счастье любви родительской. Но тем не менее должно вникать в причины их нравственного искажения, если не для оправдания их, то для оправдания истины, которая выше всего, даже родителей, и для поучительного примера, в предотвращение таких возмущающих душу явлений. Мы сказали, что отец любит свое дитя, потому что оно его рождение; но он должен любить его еще как будущего *человека*, которого бог нарек сыном своим и за спасение которого он принял на кресте страдание и смерть. При самом рождении, отец должен посвятить свое дитя служению бога в духе и истине, — и посвящение это должно состоять не в отторжении его от живой действительности, но в том, чтобы вся жизнь и каждое действие его в жизни было выражением живой, пламенной любви к истине, в которой является бог. Только такая любовь к детям истинна и достойна называться любовью; всякая же другая есть эгоизм, холодное самолюбие. Вся жизнь отца и матери, всякий поступок их должен быть примером для детей, и основой взаимных отношений родителей к детям должна быть любовь к истине, но не к себе. Есть отцы, которые любят детей для самих себя, — и в этой любви есть своя истинная и разумная сторона; есть отцы, которые любят своих детей для них самих, — и эта любовь выше, истиннее, разумнее; но, при этих двух родах любви, есть еще высшая, истиннейшая и разумнейшая любовь к детям — любовь в истине, в боге. Любит ли отец своего сына, если заставляет его смотреть с уважением на свои дурные и безнравственные поступки, как на благородные и разумные? Не все ли это равно, что требовать от дитяти, чтобы оно, вопреки своему зрению, белое называло черным, а черное белым? Тут нет любви, тут есть только самолюбие, которое свою личность ставит выше истины. А между тем у ребенка всегда будет столько смысла, чтобы, видя, как его маменька колотит по щекам девок или как его папенька напивается пьян и дерется с маменькою, понимать, что это дурно. Конечно, приучая к таким сценам с малолетства и толкуя, что это хорошо, можно наконец уверить ребенка, что в сем-то и состоит истинная жизнь; но это значит развратить, погубить его: где ж тут любовь? — тут только самолюбие, которое в своих детях хочет видеть собственное безобразие, чтобы не иметь в них себе строгих, хотя и безмолвных судей. Вопреки законам природы и духа, вопреки условиям развивающейся личности, отец хочет, чтобы его дети смотрели и видели не своими, а его глазами; преследует и убивает в них всякую самостоятельность ума, всякую самостоятельность воли, как нарушение сыновнего уважения, как восстание против родительской власти, — и бедные дети не смеют при нем рта разинуть, в них убита энергия, воля, характер, жизнь, они делаются почтительными статуями, заражаются рабскими пороками — хитростью, лукавством, скрытностью, лгут, обманывают, вывертываются... Китайцы, поставляющие красоту женских ног в миньютюрности, зашивая у девочек ноги в сырую воловью шкуру и снимают ее, когда уже девочки становятся девушками: ножки в самом деле крошечные, только кривы, изогнуты, уродливы, и женщина может ходить только в комнате, и

то опираясь о стены и на мебель. Таковы результаты остановленной в свободном развитии природы! Таковы же бывают и результаты остановленного в естественном и самобытном развитии духа! Но что сказать о тех родителях, которые имеют несчастное убеждение, что для пользы и счастья своих детей они обязаны управлять теми их склонностями, которые решают счастье или несчастье целой жизни человека? И как часто случается, что прекрасная девушка, с глубокою душою, любящим сердцем, по какому-нибудь случаю получившая, на свою пагубу, хорошее воспитание, созданная украсить, озолотить, осчастливить жизнь избранного ею, который бы понял ее, выдается силою родительской власти за какое-нибудь грубое животное с человеческим обликом и гибнет безмолвною жертвою тайного, никем не понятого страдания!.. Бедная, ей даже не на кого и жаловаться: ее погубили из любви же к ней, из искреннего желания ей добра и счастья... Горе человеку, когда его участь в руках злодеев, и такое же горе ему, когда его участь в руках добрых, но пошлых и глупых людей!.. Бедные женщины чаще всего испытывают на себе несомненность этой горькой истины... Молодой человек, принужденный избрать чуждую своему призванию дорогу жизни, рано или поздно, хоть с утратою сил души, хоть с обрезанными крыльями, но еще вылетает на желанную свободу, а женщины!.. Но что сказать о тех родителях, которые торгуют счастьем своих детей, спекулируют ими на богатство, на знатность, да еще действуют при этом во имя нравственности, любви и своих священных родительских обязанностей к детям?.. Но оставим этот ужасный предмет, от которого возмущается и содрогается человеческая природа, будто при виде удава или гремучей змеи...

Разумная любовь должна быть основою взаимных отношений между родителями и детьми. Любовь предполагает взаимную доверенность, – и отец должен быть столько же отцом, сколько и другом своего сына. Первое его попечение должно быть о том, чтобы сын не скрывал от него ни малейшего движения своей души, чтобы к нему первому шел он и с вестью о своей радости или горе, и с признанием в проступке, в дурной мысли, в нечистом желании, и с требованием совета, участия, сочувствия, утешения. Как грубо ошибаются многие, даже из лучших отцов, которые почитают необходимым разделять себя с детьми строгостию, суровостию, недоступною важностию! Они думают этим возбудить к себе в детях уважение, и в самом деле возбуждают его, но уважение холодное, боязливое, трепетное, и тем отвращают их от себя и невольно приучают к скрытности и лживости. Родители должны быть уважаемы детьми, но уважение детей должно проистекать из любви, быть ее результатом, как свободная дань их превосходству, без требования получаемая. Ничто так ужасно не действует на юную душу, как холодность и важность, с которыми принимается горячее излияние ее чувства, ничто не обливает ее таким умерщвляющим холодом, как благоразумные советы и наставления там, где ожидает она сочувствия. Обманутая таким образом в своем стремлении раз и другой, она затворяется в самой себе, сознает свое одиночество, свою отдельность и особность от всего, что так любовно и родственно еще недавно окружало ее, и в ней развивается эгоизм, она приучается думать, что жизнь есть борьба эгоистических личностей, азартная игра, в которой торжествует хитрый и безжалостный и гибнет неловкий или совестливый. Открытая душа младенца или юноши – светлый ручей, отражающий в себе чистое и ясное небо; запертая в самой себе, она – мрачная бездна, в которой гнездятся нетопыри и жабы... Если же не это, может случиться другое: индивидуальность человеческая, по своей природе, не терпит отчуждения и одиночества, жаждет сочувствия и доверенности подобных себе, – и дети сдружаются между собою, составляют род общества, имеющего свои тайны, общими и соединенными силами скрываемые, что никогда до добра не доводит. Это бывает еще опаснее, когда друзья избираются между чужими, и тем более когда избранный друг старше избравшего: он берет над ним верх, приобретает у него авторитет и передает ему все свои наклонности и привычки, – что же, если они дурны и порочны?.. Нет! первое условие разумной родительской любви – владеть полною доверен-

ностью детей, и счастливы дети, когда для них открыта родительская грудь и объятия, которые всегда готовы принять их и правых и виноватых и в которые они всегда могут броситься без страха и сомнения!

Юная душа, не испытывавшая еще отчуждения и сомнения, вся открыта наружу; она не умеет любить в меру, но предается предмету своей любви беззаветно и безусловно, видит в нем идеал всевозможного совершенства, высший образец для своих действий, верит ему со всем жаром фанатика. И что же, если такая любовь устремлена к родителям, соединяясь с естественною, кровною любовью к ним! О, для таких детей высочайшее счастье как можно чаще быть в присутствии родителей, наслаждаться их разговорами, сопровождать их в прогулке, иметь свидетелями своих игр и резвостей, обращаться к ним в недоразумениях, избирать их в посредники между собою в своих маленьких ссорах и неудовольствиях! Нужно ли доказывать, что при *таком* воспитании родители одною ласкою могут делать из своих детей все, что им угодно; что им ничего не стоит приучить их с малолетства к выполнению долга – к постоянному, систематическому труду в определенные часы каждого дня (важная сторона в воспитании: от упущения ее много губится в человеке!)? Нужно ли говорить, что таким родителям очень возможно будет обратить труд в привычку, в наслаждение для своих детей, а свободное от труда время – в высшее счастье и блаженство? Еще менее нужно доказывать, что при таком воспитании совершенно бесполезны всякого рода унижительные для человеческого достоинства наказания, подавляющие в детях благородную свободу духа, уважение к самим себе и растлевающие их сердца подлыми чувствами унижения, страха, скрытности и лукавства. Суровый взгляд, холодно вежливое обращение, косвенный упрек, деликатный намек, и уже много-много, если отказ в прогулке с собою, в участии слушать повесть или сказку, которую будет читать или рассказывать отец или мать, наконец, арест в комнате, – вот наказания, которые, будучи употреблены соразмерно с виною, произведут и сознание, и раскаяние, и слезы, и исправление. Нежная душа доступна всякому впечатлению, даже самому легкому: у ней есть тонкий инстинкт, по которому она сама догадывается о неловкости своего положения, если подала к нему повод; душа грубая, привыкшая к сильным наказаниям, ожесточается, черствеет, мозолится, делается бесстыдно-бессовестною, – и ей уж скоро нипочем всякое наказание. Нужно ли говорить, что *такое* воспитание – легко и возможно, но требует всего человека, всего его внимания, всей его любви? Отцы, которых вся жизнь сосредоточена в детях, отдана им без раздела, – редкие явления; но для них-то и говорим мы, к ним и обращаем речь нашу, – и дай бог, чтобы она принята была ими с такою же любовию и искренностью, с какими мы обращаемся к ним!.. Все же *не такие* могут нам не верить и даже смеяться над нами, если им это заблагорассудится... В добрый час!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Под псевдонимом Ириней Модестович Гомозейка нередко публиковал свои произведения В. Ф. Одоевский, писатель, ученый, музыковед. По энциклопедичности познаний он был человеком уникальным (о нем см.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. I–II. М., 1913; Ю. В. Манн. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969, с. 104–108). Одоевский являлся автором многих сказок и повестей для детей, печатавшихся – от имени дедушки Ириней – и в периодике, и отдельными книжками. Однако издание 1840 г., о котором идет речь, в свет так и не вышло. Через некоторое время «Отечественные записки» (1841, т. XV, № 3, с. 25) извинились перед читателями за свою ошибку: произошла она потому, что автор, заметив, – очевидно, в сигнальном экземпляре – «тму тем опечаток», приостановил издание книги на последней стадии. Однако в этот момент «Детские сказки» Одоевского уже числились в списке вышедших книг.

2.

Сатирические «Рассуждения» П. Аретино (1534, 1536, 1539), обличающие женские привычки и придворные нравы, содержат немало шокирующих эпизодов. На русском языке произведения Аретино отдельным изданием к 1840 г. не выходили; можно предположить знакомство критика с книгой: *Do Pierre Aretin. Notice sur sa fortune, sur les moyens qui la lui ont produite, et sur l'emploi qu'il en a fait*, par Gabriel Peignot. Paris – Dijon, 1836.

3.

Об ориентации культурного поведения людей начала XIX в. на театр и театральность см.: Ю. М. Лотман. Статьи по типологии культуры, вып. 2. Тарту, 1973, с. 42–89.

4.

Можно предположить, что, характеризуя светскую девушку, критик использовал соответствующие описания в повестях А. Марлинского. Ольга, героиня повести «Испытание», на взгляд автора, представляет собой редчайшее исключение из круга светских дам: «Она не могла понять, для чего бы ей стыдиться слез умиления при рассказе о великодушном поступке или румянца негодования, слыша о низостях людских...» (А. А. Бестужев-Марлинский. Повести и рассказы. М., «Советская Россия», 1976, с. 116).

5.

Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. восьмая, строфа XXIX).

6.

Это выражение восходит к названию комедии Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» (1760).

7.

Цитата из «Горя от ума» (д. III, явл. 3).

8.

Г-жа Простакова, Митрофанушка, Еремеевна – персонажи комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1781).

9.

Имеются в виду персонажи «Горя от ума».